

ДЕТИ КАК АДРЕСАТЫ ПРОПАГАНДЫ В ПОЛЬЗУ ЕВРЕЙСКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В СССР: НА ПРИМЕРЕ КНИГИ ЛИНЫ НЕЙМАН «ДЕТИ ЕВРЕЙСКОЙ КОММУНЫ»

Фернандес Харари Летисия

Факультет гуманитарных наук НИУ-ВШЭ, выпускница
магистерской программы «История художественной культуры
и рынок искусства»

105066, Москва, Старая Басманная, 21/4

ORCID ID: 0009-0004-3195-6459

ines.fernandez.harari@gmail.com

Аннотация: Еврейская земледельческая колонизация в СССР сопровождалась широким спектром агитационных материалов. Обращение к детям как к адресатам и распространителям пропаганды в пользу переселения — малоизученный, но важный аспект этой кампании. Настоящая статья обращает внимание на этот феномен через социокультурный анализ книги Лины Нейман «Дети еврейской коммуны», изданной в 1931 г. Госиздатом и иллюстрированной Меером Аксельродом. В первой части произведение рассматривается в контексте творчества Нейман, прослеживается устойчивый интерес автора к теме еврейской колонизации. Во второй части рассматривается целевая аудитория книги и ее место в советском образовании конца 1920-х — начала 1930-х гг., ориентированном на воспитание интернационализма. На основе публикаций пионерской и озетовской прессы статья выделяет параллели между *Детями еврейской коммуны* и педагогическими стратегиями этих организаций в борьбе с антисемитизмом, освещая возможные функции и контексты восприятия книги.

Ключевые слова: еврейская сельскохозяйственная колонизация, детские книги, ОЗЕТ, первопроходцы, Лина Нейман, Мир Аксельрод, образование, пропаганда, антисемитизм.

DOI: 10.62620/3034-4999.2026.3.1.006

Для цитирования: Харари Л. Дети как адресаты пропаганды в пользу еврейской земледельческой колонизации в СССР: на примере книги Лины Нейман «Дети еврейской коммуны» // Newish. Молодежный журнал по истории и культуре евреев. 2026. № 3. С. 79–102.

Статья поступила: 22.10.2025. **Принята к публикации:** 09.02.2026.

CHILDREN AS TARGETS OF PROPAGANDA IN SUPPORT OF JEWISH AGRICULTURAL COLONIZATION IN THE USSR: A CASE STUDY OF LINA NEIMAN'S CHILDREN OF THE JEWISH COMMUNE

Fernández Harari Leticia

Faculty of Humanities, National Research University Higher School
of Economics (HSE), graduate of the Master's program "History of
Artistic Culture and the Art Market"

105066, Moscow, Staraya Basmannaya Street, 21/4

ORCID ID: 0009-0004-3195-6459

ines.fernandez.harari@gmail.com

Abstract: The Soviet campaign for Jewish agricultural colonization was accompanied by an extensive array of promotional media. A little-known dimension of this propaganda effort targeted children as both recipients and disseminators of messages in favor of resettlement. The present article examines this phenomenon through a socio-cultural analysis of *Children of the Jewish Commune*, a 1931 children's book by Lina Neiman illustrated by Meer Akselrod. The first section situates this work within Neiman's broader oeuvre and traces her sustained engagement with the theme of Jewish colonization. The second section considers the intended readership of the book and its place within Soviet internationalist education of the late 1920s and early 1930s. By analyzing publications of the Young Pioneers and OZET, the article highlights parallels between *Children of the Jewish Commune* and the pedagogical strategies these organizations employed to combat antisemitism, thus shedding light on the book's potential functions and modes of circulation.

Keywords: Jewish agricultural colonization, children's books, OZET, Pioneers, Lina Neiman, Meer Akselrod, education, propaganda, antisemitism.

DOI: 10.62620/3034-4999.2026.3.1.006

To cite: Harari, L. Children as Targets of Propaganda in Support of Jewish Agricultural Colonization in the USSR: A Case Study of Lina Neiman's Children of the Jewish Commune. *Newish. Young Scholars Journal of Jewish History and Culture*. 2026. 3. P. 79–102.

Received: 22.10.2025. **Accepted:** 09.02.2026.

Вступление

В 1920–1930-е гг. тысячи евреев покинули бывшую территорию черты оседлости, чтобы заняться сельским хозяйством на юге Украины, в Крыму, и позднее — на Дальнем Востоке. Этот процесс начался как спонтанная реакция на тяготы, возникшие по окончании Гражданской войны, но через некоторое время был поддержан советской властью как практическое решение «еврейского вопроса». Новые сельскохозяйственные колонии были созданы не только для того, чтобы облегчить жизнь обедневшим евреям и способствовать их «повышению продуктивизации», но также и чтобы привлечь столь необходимый капитал и компетенции от западных филантропов. В русле политики коренизации в Причерноморье в период между 1927 и 1935 годами были созданы пять еврейских национальных районов: Калининдорф (1927), Новозлатополь (1929), Сталиндорф (1930), Фрайдорф (1931) и Лариндорф (1935). Предполагалось, что эти территориальные единицы будут автономиями, где будет процветать светская еврейская культура — инициатива, чьей кульминацией стало появление в 1934 году Биробиджана как Еврейской автономной области на восточной границе государства.

Советский проект колонизации получил широкую огласку как сопоставимый с идеей сионизма, или даже превосходящий ее. В 1925 году в Москве было основано Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) — для координации пропагандистских усилий и мобилизации поддержки для переселения. Похожие задачи стояли перед зарубежными организациями, вовлеченными в этот процесс, среди которых были Американский еврейский объединенный распределительный комитет (Джойнт) и Общество содействия еврейской земледельческой колонизации в России (ИКОР). Цель этой статьи — рассмотреть пропагандистскую кампанию с другой стороны, а именно: как еврейская сельскохозяйственная колонизация была показана детям. Эта тема редко рассматривалась в научной литературе, несмотря на значительное количество материала, созданного для этой особой аудитории. Наше исследование сфокусировано на книге Лины Нейман «Дети еврейской коммуны», опубликованной Госиздатом в 1931 г. с иллюстрациями Меера Аксельрода.

Рассматривая эту книгу через призму социокультурного анализа, мы намерены исследовать контекст создания и распростра-

нения как текстов, так и изображений в более широких рамках советского воспитания в духе интернационализма и борьбы с антисемитизмом.

От Мааяна до Ди Фрайндшафт: истоки детской коммуны

Лина-София Самуиловна Нейман (урожденная Урысон, 1883–1971) родилась в Ковно (ныне Каунас) и выросла в Одессе, став автором множества детских книг. Ее карьера писательницы началась в 1912 г., вскоре после окончания учебы на Московских высших женских курсах. В годы революции и Гражданской войны она зарабатывала преподаванием литературы в различных институциях и вернулась к писательству только во второй половине 1920-х гг. К концу десятилетия она сфокусировалась в своей работе в основном на повседневной жизни детей в еврейских сельскохозяйственных колониях. Эта тема лежит в основе ее книг «Клетчатый» (1928 г., перевыпущена в 1930 г.), «Молотьба» (1930 г.), «Картошка» (1930 г.), «Коммуна Дер Эмес» (1931 г.), «Шмереле» (1931 г.), «Дети еврейской коммуны» (1931 г.) и «Встреча товарищей» (1939 г.).

Однако самое раннее обращение Нейман к этой теме произошло в коротком рассказе для педагогического журнала «Друг детей», выпущенного в январе 1927 г. Действие истории, озаглавленной «Детская еврейская коммуна» происходит в Мааяне, одной из трех крымских сельскохозяйственных колоний, основанных сионистской организацией «Хехалуц» как тренировочные площадки для будущих эмигрантов в Подмандатную Палестину. В ней в 1920-е гг. актриса и писательница Мария (Мнухо) Израилевна Брук основала экспериментальную детскую коммуну для образовательных целей. Следуя духу движения киббуцников, ее юные обитатели жили отдельно от родителей под надзором воспитателя и помогали взрослым выполнять небольшие поручения. Этот опыт впоследствии вдохновил Брук написать «Тринадцать наших» (1928 г.) — детскую книгу с иллюстрациями Натана Альтмана. В 1928 г. организация «Хехалуц» была запрещена советской властью¹, тем самым фактически исключая любые дальнейшие упоминания о Мааяне

¹ «Хехалуц» в 1923 г. разделилась на нелегальную «Хехалуц» и легальную «Гехалуц СССР», запрещена была уже легальная организация. — *Примеч. ред.*

в печати. Таким образом, несмотря на то, что коммуна, описанная Нейман в ее книге 1931 г., носила выдуманное идишское название «Ди Фрайндшафт» («Дружба»), этот образ был вдохновлен опытом «Хехалуца», к тому времени уже исчезнувшего.

Ушакин и Балина замечают [Balina, Oushakine 2021, 5], что книги для детей в раннем СССР служили учебниками по советской современности, сложными культурными артефактами, призванными ввести юных читателей в политическую сферу, научив их воспринимать окружающий мир через призму постреволюционного времени. Однако форма, которую должны были иметь эти книги для достижения своих образовательных целей, была согласована не сразу. На практике это означало, что до середины 1930-х гг. существовали различные варианты, которые способствовали оживленным дискуссиям между писателями, педагогами, издателями и художниками. Пожалуй, одним из самых заметных конфликтов в этой связи стало обвинение Надеждой Крупской «Крокодила» Корнея Чуковского и сказок в целом — жанра, чей акцент на абсурде и фантастическом считался неподходящим для передачи классового содержания. В свою очередь, Крупская и ее сторонники выступали за ясность и простоту как повествования, так и визуальной составляющей, отдавая предпочтение реалистическому подходу к современным темам.

В рамках этой истории о еврейских детях в сельскохозяйственных колониях преследовали двойную цель: изображать коллективный труд, и одновременно — рассказывать о новых условиях жизни ранее маргинализированного меньшинства. Более того, организация Мааяна по типу киббуца создала убедительно выглядящую модель воспитания без родителей.

Подход большевиков к социальной политике в 1920-е гг. подчеркивал разрушительную суть буржуазной семьи как закрытой институции, все еще приверженной консервативным и индивидуалистическим ценностям прошлого [Цинченко 2015, 175]. Следовательно, детские сады и школы, будучи векторами модернизации, не только защищали детей от мира взрослых, но и превращали их в каналы распространения новых идей дома, в сфере приватного. Как отмечал Валерий Дымшиц, романы о коллективном воспитании, действие которых разворачивается в трудовых школах для беспризорников и детских домах, — как в «Педагогической поэме» Антона Макаренко, или «Десяти вагонах» Дойв-

бера Левина, — были особенно важны для этой раннесоветской утопии. Освобожденные от влияния своих родителей и живущие коллективно, сироты становились прототипом нового советского человека [Дымшиц 2021, 32]. В аналогичном ключе киббуц, изображенный в «Детях еврейской коммуны» и «Тринадцати наших», оспаривал доминирование нуклеарной семьи, предлагая альтернативное пространство для социализации молодого поколения.

Интересно, что «Тринадцать наших» лишены той картонности, которая характеризовала большую часть «колхозной литературы», созданной в эпоху первой пятилетки. Опираясь на свой личный опыт воспитателя в Мааяне, Брук писала скорее в игровой, чем в поучительной манере, отдавая предпочтение детскому остроумию и невинному чувству юмора, нежели точке зрения взрослого. «Дети еврейской коммуны», будучи предназначенными школьникам старшего возраста, более точно следует дидактическим требованиям, исходящим со стороны критиков. Более ранние публикации Нейман подвергались критике за то, что они давали поверхностный взгляд на жизнь колонистов и не отражали трудности, с которыми они сталкивались. В рецензии на «Молотьбу», например, Л. Дейч заявлял, что «книга не может служить материалом о строительстве нового быта в еврейских колониях, потому что освещает его односторонне и дает только поверхностный обзор этого быта. Это только агитка за новый быт. Трудностей, встречающихся в сельском хозяйстве и в борьбе с кулачеством, автор не отражает» [Дейч 1931, 30].

Вероятно, под воздействием комментариев такого рода, в «Детях еврейской коммуны» автор намеренно старается изобразить как трудности, так и достижения главных героев на их пути из местечка в крымские степи. Идея книги проста, но действенна: однажды в город Головец приезжает неожиданный гость — бывший местный житель, который, прожив некоторое время в сельскохозяйственной коммуне, вернулся в качестве уполномоченного ОЗЕТа, выступающего за переселение своих единоверцев. Большинство евреев воспринимают его как шарлатана и отвергают это предложение, но две семьи решают последовать за ним в Крым. Их первые дни сопровождают неуверенность и страх: работа изнурительна, а условия жизни отнюдь не комфортны. Старики жалуются на отсутствие синагоги, в то время как женщины переживают о судьбе своих детей. Однако постепенно все находят свое

место, и коммуна процветает. В отличие от предыдущих книг, действие которых полностью разворачивалось в сельскохозяйственных поселениях, здесь Нейман решает изобразить ключевой поворотный момент, когда герои покидают местечко, таким образом добавляя конфликтности в оптимистичное повествование.

Чувство ожидания и сомнения, связанное с этим переходом от старого к новому, еще больше подчеркивается благодаря иллюстрациям. Один из рисунков для шестой главы изображает прибытие семей в степь (рис. 2). Фигуры обращены к зрителю в композиции, напоминающей фриз, — они двигаются в неизвестность, неся на плечах свои немногочисленные пожитки. Если бы мы увидели этих персонажей в отрыве от текста, мы бы могли принять их за беженцев, покинувших дома по принуждению. Однако на заднем плане видны лучи стилизованного солнца, разливающегося по пейзажу, как бы обнимая новоприбывших, обещаая им будущее свободы и радости. Соединившись, текст и изображение создают нарратив, в котором слышатся отзвуки библейской истории Исхода, рассказанной в рамках советского дискурса. В этом переосмыслении черта оседлости становится новым Египтом, колонии появляются как Земля Обетованная, а партия берет на себя роль светского Моисея, ведущего свой народ к искуплению прочь от «тюрьмы народов».

Неизвестно, ездила ли сама писательница в Крым, или узнала о Мааяне от Брук, с которой они подружились, вместе работая над детским литературным журналом «Мурзилка». Несмотря на отсутствие архивных свидетельств, подтверждающих это, ее личный визит в эту или одну из других еврейских колоний кажется вполне возможным. На протяжении 1920–1930-х гг. многочисленные писатели и художники совершали поездки в новые сельскохозяйственные поселения, чтобы своими глазами увидеть проект колонизации и запечатлеть его в своих работах. Кто-то ездил самостоятельно, другие получали поддержку от международных организаций, таких как Джойнт, а третья, самая большая группа присоединялась к поездкам, спонсируемым государством.

Система целевых творческих командировок была институционализирована советским правительством как ежегодное мероприятие в 1929 г., но ей предшествовали более ранние инициативы [Шанявская, 2017]. В апреле 1928 г., например, «Комсомольская правда» обратилась с призывом к художникам, писателям, музы-

кантам и режиссерам посетить фабрики и колхозы, чтобы создать произведения искусства, которые могли бы передать пафос революции [Комсомольская правда 1928а, 5]. К июню газета опубликовала серию приглашений от представителей колхозов, а также письма из Ассоциации художников революционной России (АХРР) и Федерации писателей России, принимающих вызов [Комсомольская правда 1928б, 3]. Так, в частности, [Лейб] Квитко и [Давид] Фельдман присоединились к делегации писателей и металлургов, которая направлялась в еврейские колонии в Кривом Роге и Херсоне [Комсомольская правда 1928в, 3].

В последующие годы при поддержке Главискусства, ОЗЕта и Кооператива «Художник» (в 1930 г. переименованного во Всероссийское кооперативное товарищество «Художник», или иначе Всекохудожник) экспедиции на промышленные и сельскохозяйственные объекты страны становились все более частыми. Их общей целью было представить строительство социализма в визуальной и текстовой форме — задача, тесно связанная с форсированной индустриализацией и коллективизацией первой пятилетки, начавшейся в октябре 1928 г. При работе с еврейскими сельскохозяйственными поселениями подразумевалась и дополнительная цель: продемонстрировать успешную трансформацию евреев через производительный труд и опровергнуть распространенное мнение о том, что они не способны выполнять физическую работу. Учитывая акцент, который Нейман в своем творчестве делала на эту тему, можно с уверенностью предположить, что ее пригласили принять участие в подобной командировке. В поддержку этой гипотезы ее биограф Михаил Король указывает, что ее двоюродный брат, юрист Исаак Савельевич Урысон, был членом президиума ОЗЕта и юридическим советником Агро-Джойнта (подразделения Джойнта в СССР) — т.е., занимал пост, который значительно облегчил бы назначение его родственницы участницей таких поездок [Король 2024, 71]. В любом случае знакомство писательницы с Брук сильно повлияло на ее последующие произведения — элементы текста 1927 г. появлялись в различных формах, прежде чем окончательно воплотились в «Детях еврейской коммуны».

Не только текст Нейман, но и иллюстрации Меера Аксельрода к книге указывают на существовавшую еврейскую коммуну в Крыму. В 1930 г. вместе с другими выпускниками Вхутемаса —

Менделем Горшманом, Лидией Жолткевич и Львом Зевиным, художник предпринял творческую поездку в район Евпатории под эгидой Всекохудожника. Бригада провела большую часть времени в Войо-Нове (от эсперанто — «новый путь»), уникальной коммуне, основанной в 1928 г. русско-еврейскими репатриантами из Палестины после их исключения из рабочей сионистской организации «Гдуд ха-Авода». На многих иллюстрациях Аксельрода из этой экспедиции — большой цикл под названием «В степи» — он изображает ежедневное взаимодействие детей и воспитателей свободными, выразительными мазками кисти, предвосхищая образность и чуткость, которые станут отличительной чертой его работы для «Детей еврейской коммуны».

Несмотря на то что он получил образование гравера под руководством Владимира Фаворского, еще в начале своей карьеры художник отошел от этого медиума и обратился к рисованию, считая, что многоступенчатый процесс создания гравюры слишком ограничивает его темперамент [Аксельрод 1993, 22]. Это предпочтение непосредственности воплотилось в лирическом и размашистом стиле — том, что современные ему критики неоднократно осуждали как «искажение социалистической действительности». «Набросочность» и небольшой формат его гуашей и акварелей резко контрастировали с напыщенностью тематической живописи и монументального искусства, но именно эта эскизность придавала его работам свежесть и яркость. Экономность выразительных средств и непосредственность его манеры оказались особенно подходящими для иллюстрации детских книг — области, в которой он неизменно предпочитал обращаться к рисованию тушью.

Для оформления обложки «Детей еврейской коммуны» Аксельрод использовал плоский, схематичный способ изображения, который в сочетании с монохромной палитрой охристо-белых тонов напоминает условность наскального искусства эпохи палеолита (рис. 1). Левая часть композиции визуально подчеркнута большой коричневой фигурой, которая повторяет очертания стога сена под прямым солнечным светом. Справа трое детей и три быка расположены на плоскости картины в вертикальном порядке. Подобная иконография заслуживает особого внимания, поскольку отражает центральную тему большей части литературного и визуального дискурса, связанного с еврейской сельскохозяйственной колонизацией.

Трансформация евреев через труд на земле может быть визуализирована разными способами. Современная одежда, чисто выбритые лица и загорелая кожа, наряду с тракторами и остальной сельскохозяйственной техникой появились как наиболее очевидные признаки этой измененной идентичности. Не менее значимым образом фигура «нового еврея» определяется через его отношения с животными. Умение управлять строптивыми быками и лошадьми стало восприниматься как ключевой показатель успешной адаптации к сельской жизни. Этот троп присутствует, например, в пропагандистском фильме Абрама Роома «Евреи на земле» 1927 г., а также неоднократно встречается в современной детской литературе. Мы видим, как это проявляется в сюжете Нейман через фигуру Давидки, мальчика из Головца, изначально боящегося покормить коров или обуздать освободившуюся лошадь. Дизайн обложки Аксельрода опирается на эту идею и развивает ее при помощи упорядоченной композиции, в которой дети уверенно приручают быков.

Читатели и активисты: в поисках аудитории Нейман

Какова была целевая аудитория историй Нейман и какую роль они должны были играть в воспитании нового поколения советских граждан? Еврейские дети составляли, естественно, значительную часть читателей. Герои со знакомыми именами делали повествование более понятным, одновременно вводя новую иерархию ценностей, которая заменила авторитет традиции. Публикация переводов на идиш, ориентированная именно на эту аудиторию, дополнительно акцентирует ее значение (рис. 4 и 5).

Книги также сослужили важную службу русскоязычным читателям других национальностей. Политические деятели и педагоги считали, что советские дети все еще подвержены влиянию пережитков буржуазной ментальности, в первую очередь шовинизма и национализма. По этой причине ожидалось, что литература будет прививать интернационалистские ценности. Упомянутая ранее статья Л. Дейча выделяла книгу Нейман «Клетчатый» за то, что она не затрагивает проблему антисемитизма: «актуальнейшие вопросы антисемитизма упущены, освещаются только благополучные стороны из жизни детской трудовой колонии. Вывод интернационального порядка из этой

книги ребята не сделают. Книга требует основательной переработки» [Дейч 1931, 30].

«Дети еврейской коммуны» придерживается более четкой позиции по этому вопросу, включая как антисемитские эпизоды, так и моменты примирения, которые завершаются картинами гармоничного сосуществования еврейских детей и их соседей. Этот дидактический подход соответствовал более широкой кампании против антисемитизма, предпринятой на рубеже 1930-х гг. пионерской организацией и ОЗЕТом. Обзор официальных публикаций этих организаций показывает масштабы их усилий по борьбе с антиеврейскими предрассудками и предоставляет ценный исторический контекст для изучения творчества Нейман.

В марте 1928 г. «Пионерская правда» объявила свои планы отправить делегацию из 14 школьников в Крым во время весенних каникул, чтобы они посетили еврейские колонии в Евпатории и Джанкое [Пионерская правда. 1928а, 1]. Их задачей был обмен опытом с местными пионерами, а также создание хроник очевидцев, которыми потом можно было бы поделиться на страницах газеты, на школьных собраниях и митингах. Предполагалось, что эти свидетельства изменят негативное восприятие евреев и продемонстрируют, что они действительно способны работать на земле. В кратком сообщении, опубликованном сразу после завершения поездки, редакция уверенно утверждала, что «делегаты рассеют и разобьют вдребезги вымыслы, сплетни и сказки о жизни евреев-трудящихся, которые на руку врагам СССР. Делегаты примерами и фактами, виденными ими, покажут, что трудящиеся Советского Союза без различия национальностей, по-товарищески идут к одной цели — социализму» [Пионерская правда 1928б, 1].

В последующих выпусках были опубликованы подробные отчеты об экспедиции, выпущенные вместе с фотографиями и иллюстрациями, включая карикатуру, на которой пионерский отчет в гротескной форме засовывали в рот различным «классовым врагам» [Пионерская правда 1928в, 3]. Эти свидетельства демонстрируют инициативы, предпринятые местными пионерскими отрядами для того, чтобы улучшить условия жизни их сообществ. В них также говорится о враждебной природе крымских степей и трудностях ведения сельского хозяйства в таких условиях, что противоречило довольно распространенному в то время мнению

о том, что евреям несправедливо выделили курортную часть страны [Пионерская правда 1928д, 3].

Удивительно, но отчет также содержал и критические замечания. Несмотря на то что он восхвалял усилия и тяжелый труд еврейских колонистов, ОЗЕТ был подвергнут критике за некоторые нарушения в управлении поселениями. На первой полосе выпуска «Пионерской правды» от 9 мая был представлен список проблем, которые требовали срочного внимания со стороны властей [Пионерская правда 1928г, 1]. Делегация выразила обеспокоенность по поводу недостаточной инфраструктуры и плохого обращения с колонистами со стороны представителя ОЗЕТа, и даже случаев сильного голода в Малий, колонии горских евреев. Вскоре их критика появилась и на страницах «Трибуны» (официального печатного органа ОЗЕТа), где большинство утверждений были опровергнуты или отклонены как неточные [Трибуна еврейской советской общественности 1928а, 13]. Такой ответ не устроил пионеров, которые настаивали на необходимости отправить в Крым следственную комиссию [Пионерская правда 1928е, 1]. В конце концов, организация согласилась с их требованием и обязалась предпринять необходимые шаги для исправления ситуации [Каменштейн 1928, 6].

Несмотря на публичный спор с ОЗЕТОм, опыт «Пионерской правды» был признан успешным, и поездка повторилась в следующем году — на этот раз с делегацией из 90 детей и расширенным маршрутом, который включал в себя не только Крым, но также Белоруссию и Южную Украину. По случаю этой второй поездки журнал «Огонек» опубликовал репортаж Виктора Финка с фотографиями Аркадия Шайхета на двух страницах — оба они были направлены в поселение Бухариндорф в качестве корреспондентов². Под заголовком «Антисемитов больше не будет!» в статье подчеркивалась важность пионерских экспедиций как эффективного способа того, что современники называли «агитацией фактами». Предполагалось, что, так же как западные путешественники приезжали в СССР, чтобы лицезреть социалистический эксперимент и рассказать о нем своим соотечественникам, советские дети превратят свои впечатления от еврейской сельскохозяй-

² Эта поездка также послужила основой книги Виктора Финка «На пути из Египта», опубликованной издательством «Огонек» в 1929 г.

ственной колонизации в оружие против антисемитизма, пересказывая одноклассникам, друзьям и родным то, что они увидели своими глазами.

С момента своего основания в 1922 г. и особенно ближе к концу десятилетия пионер стал олицетворять образцового ребенка, каким его представляли себе советские культурные реформаторы: ревностного политического активиста, способного вести как «неорганизованного ребенка», так и «отсталого взрослого» по пути, указанному партией [Kelly 2007, 62–77]. Этот идеал был убедительно передан в фотосъемке Шайхета для «Огонька». На обложке журнала (рис. 7) находится фотография пионера, который обращается к приехавшей делегации со скромной трибуны неподалеку от станции Долгинцево. Советский флаг с написанным на украинском лозунгом о международной солидарности трудящихся развевается над его головой. Высокая точка обзора создает впечатление моря людей, окружающих ребенка, когда он произносит свою приветственную речь. Несмотря на свой маленький рост, он уже выглядит по-взрослому, идеально изображая суровое выражение лица и манеры лидера. Похожая сцена встречи появляется и в съемке к статье Финка, на этот раз демонстрируя пионеров Кривого Рога и их гостей внутри бывшей синагоги, превращенной в клуб (рис. 8). Когда оратор наклоняется к толпе, его поза походит на портрет Ленина, висящий прямо за ним, вероятно занимая то место, где ранее стоял *арон ха-кодеш*. Контраст между религиозным прошлым и секуляризованным настоящим еще больше усиливается в двойном портрете делегатки Корнеевой и старого еврейского колониста. Девочка с короткими волосами и в пионерском галстуке мягко уговаривает мужчину убрать свой *цицит*, часть традиционной одежды, свидетельствующей о сохраняющемся благочестивом мировоззрении, которое в настоящее время считается устаревшим.

Как показывает этот опыт, детей не рассматривали только как пассивный объект пропаганды; скорее, поощряли их активное участие в ее распространении как среди сверстников, так и среди взрослых. Эта идея также занимала центральное место в стратегии ОЗЕТа. К концу 1920-х гг. при помощи пионерии в школах и клубах появилось специальное детское подразделение под названием «Друзья ОЗЕТа». Среди его основных целей были обсуждение еврейского переселения, организация кампаний по сбору денег и под-

держке ОЗЕТа со стороны родителей: они могли вступить в организацию, оформить подписку на «Трибуну» или купить лотерейные билеты. Согласно положению этого подразделения [Трибуна еврейской общественности 1928б, 25] к участию приглашались дети всех национальностей от 10 до 16 лет. Вскоре были опубликованы руководства и брошюры, чтобы снабдить их указаниями, необходимыми для выполнения их миссии. В этих текстах, как правило, рассказывалось о притеснениях, которым подвергались евреи в царские времена, подчеркивалась их трансформация при советской власти и объяснялась роль ОЗЕТа в кампании по переселению.

Помимо фактической информации, такие публикации также предлагали детям целый ряд занятий. Одним из них было создание в школах «уголков ОЗЕТа» — скромных картонных стендов с изображениями и диаграммами, которые противопоставляли еврейскую жизнь в черте оседлости процветающим сельскохозяйственным колониям Советского Союза. Другой важной активностью была организация «вечеров ОЗЕТа» — собраний, где дети могли послушать доклады, ставить пьесы или читать книги о еврейском переселении на землю. Пособие «Озет работа среди детей» предлагает для дискуссий такие издания как «Миша из еврейского поселка» С. Эпштейна и «Биробиджан», Меера Альбертона [Левин, Давидович 1930].

Логично предположить, что «Детей еврейской коммуны» Нейман также могли быть прочитаны в подобной обстановке, особенно если учесть, что в ней затрагивается целый ряд «обязательных» или официально санкционированных тем. Например, антисемитизму уделяется особое внимание в девятой главе книги, «Арбузы»: когда старшие дети из коммуны приезжают в кооператив с двумя телегами, полными продуктов, группа детей из русской деревни Климентовка начинает выкрикивать расистские оскорбления и разбивать плоды. «Кровоточащие» арбузы используются как метонимическая замена тел евреев, явно напоминающая образы погромов через смещение жертвы насилия. Этот символический механизм предполагает, что угроза, хотя и реальная, в настоящее время уменьшилась. Повествование подкрепляет эту идею, когда местный пионерский отряд приходит на помощь детям и объясняет, что каким бы горестным ни был этот инцидент, это не более чем «остаток прошлого». Глава закан-

чивается сценой, где русские пионеры и еврейские дети едят разбитые арбузы вместе, тем самым превращая символ насилия в символ товарищества.

Опубликованные в переходный для советской национальной политики момент, «Дети еврейской коммуны» воплощают идеал «дружбы народов» 1930-х гг., попытку примирить национальное самовыражение с межэтническим единством в рамках общей советской идентичности. Несмотря на то что коммуна, изображенная в книге, отчетливо еврейская по своему устройству и использованию идиша, близкие контакты и кооперация с татарскими, немецкими и русскими соседями постепенно размывает культурные различия, объединяя их в более широком смысле транснациональной солидарности рабочего класса. Во время праздников, например, годовщины Октябрьской революции, дети разных происхождений могут показывать свои национальные танцы, но эти границы в конечном счете растворяются в едином радостном представлении: «Зачем нам отдельные танцы? Все вместе давайте. Все, все, все разом!

Понеслись ребята, все вместе завертелись, закружились.

Что играет музыка? А кто знает! Весело, да и все. Все в такт несутся. За весельем и не угнаться!» [Нейман 1931, 67].

В заключение скажем, что «Дети еврейской коммуны» были связаны с более широкими усилиями пионерской организации и ОЗЕТа по пропаганде еврейской сельскохозяйственной колонизации среди молодежи. Отвечая как на более раннюю критику, так и на становление социалистического реализма, автор придерживается явно педагогического тона, который соответствует идеологическим целям, выдвинутым на рубеже 1930-х гг. Этот дидактический акцент особенно очевиден в противопоставлении «до и после», используемом для того, чтобы подчеркнуть улучшение условий жизни советских евреев, а также в повторяющихся призывах к межэтнической солидарности. Дополняя такие инициативы, как создание уголков ОЗЕТа и организация поездок в колонии, книга пропагандировала интернационалистские ценности в то время, когда антисемитизм находится в центре внимания молодежных организаций.

Перевод с английского А. Дека

Литература

Аксельрод 1993 — Аксельрод Е. Меер Аксельрод. Иерусалим: Месилот, 1993.

Дейч 1931 — Дейч Л. Детская художественная литература и вопросы интернационального воспитания // Учебно-педагогическая книга. 1931. Май (№ 5). С. 30.

Дымшиц 2021 — Дымшиц В. Предисловие. Мне хорошо — я сирота! // Левин Д. Десять вагонов. М.: Книжники, 2021. С. 5–44.

Каменштейн 1928 — Каменштейн М. В редакцию «Пионерской правды» // Пионерская правда. 1928. 13 июня (№ 47). С. 6.

Комсомольская правда 1928а — Писатели, художники, журналисты! К вам обращается комсомол // Комсомольская правда. 1928. № 78 (1 апреля). С. 5.

Комсомольская правда 1928б — Встреча коммунаров с писателями и художниками // Комсомольская правда. 1928. № 142 (21 июня). С. 3.

Комсомольская правда 1928в — Рабочие и писатели выехали в еврейские поселки // Комсомольская правда. 1928. № 152 (3 июля). С. 3.

Король 2024 — Король М. Дер эмес фун Лина (Лина Самойловна Нейман и другие). Тель-Авив: Издательство книжного магазина «Бабель», 2024.

Левин, Давидович 1930 — Левин Н., Давидович Д. Озет работа среди детей. М.: ОЗЕТ, 1930.

Нейман 1931 — Нейман Л. Дети еврейской коммуны. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931.

Пионерская правда 1928б — Ждем отчета от делегации // Пионерская правда. 1928. № 33 (25 апреля). С. 1.

Пионерская правда 1928в — Много нас, но мы одно. Делегация отчитывается // Пионерская правда. 1928. № 35 (1 мая). С. 3.

Пионерская правда 1928г — Непорядки. Недостатки в еврейских колониях, на которые делегация обращает внимание Озет // Пионерская правда. 1928. № 37 (9 мая). С. 1.

Пионерская правда 1928д — По крымским степям // Пионерская правда. 1928. № 39 (16 мая). С. 3.

Пионерская правда 1928е — Озет отписался // Пионерская правда. 1928. № 44 (2 июня). С. 1.

Пионерская правда. 1928а — Едем к друзьям // Пионерская правда. 1928. № 26 (31 марта). С. 1.

Трибуна еврейской общественности 1928б — Положение о детских ячейках «Друзья Озета» // Трибуна еврейской общественности. 1928. № 19 (1 ноября). С. 25.

Трибуна еврейской советской общественности 1928а — М.Г. Пионерская делегация на крымских фондах // Трибуна еврейской советской общественности. 1928. № 9 (1 июня). С. 13.

Цинченко 2015 — Цинченко Г.М. Политика в отношении семьи в первые годы советской власти // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. №1 (37). С. 174–182.

Шанявская, 2017 — Шанявская А. Целевые творческие командировки советских художников и отечественное искусство 1922–1932 годов. Кандидатская диссертация, СПбГУ, 2017.

Balina, Oushakine 2021 — The Pedagogy of Images. Depicting Communism for Children [Педагогика образов. Рассказываем детям о коммунизме] / M. Balina, S.A. Oushakine, eds. Toronto, Buffalo, and London: University of Toronto Press, 2021.

Kelly 2007 — Kelly C. Children's World. Growing up in Russia 1890–1991 [Детский мир. Детство в России, 1890–1991]. New Haven and London: Yale University Press, 2007.

References

Aksel'rod, E., *Meer Aksel'rod* [Meer Axelrod]. Jerusalem: Mesilot, 1993.

Dymshits, V., 2021, Predislovie. Mne khorosho — ya sirota! Levin D., *Desyat' vagonov*. [“Lucky me, I’m an orphan!”, introductory essay to *Ten Wagons* by Doyvber Levin]. Moscow: Knizhniki, 5–44.

Korol, M., 2024, *Der Emes fun Lina (Lina Samoilovna Neiman i drugie)* [Der Emes fun Lina (Lina Samoilovna Neiman and Others)]. Tel Aviv, Izdatel'stvo knizhnogo magazina “Babel”.

Kelly, C., 2007, *Children's World. Growing up in Russia 1890–1991*. New Haven and London, Yale University Press.

Balina, M. and S. A. Oushakine, eds., 2021, *The Pedagogy of Images. Depicting Communism for Children*. Toronto, Buffalo, and London, University of Toronto Press.

Cinchenko, G.M., *Politika v otnoshenii sem'i v pervye gody sovetskoy vlasti* [Family policy in the early years of Soviet power]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo*. Seriya: Social'nye nauki. 2015, No°1 (37), 174–182.

Shanyavskaya, A., 2017, *Tselevye tvorcheskie komandirovki sovetskikh khudozhnikov i otechestvennoe iskusstvo 1922–1932 godov* [Goal-oriented Creative Trips and Soviet Art, 1922–1932]. Doctoral dissertation, Saint Petersburg State University, 2017.

Рис. 1. Обложка книги Л. Нейман. «Дети еврейской коммуны». М.; Л., 1931.
Художник Меер Аксельрод

Рис. 2. Переселенцы. Иллюстрация к книге «Дети еврейской коммуны».

Художник Меер Аксельрод. Бумага, тушь. 1931.

Собрание ЕМЦТ

Рис. 3. Иллюстрация к книге «Дети еврейской коммуны». Бумага, тушь. 1931.

Художник Меер Аксельрод. Собрание ЕМЦТ

Рис. 4. Обложка книги «Дети еврейской коммуны» (издание на идише, 1931).

Художник неизвестен

Рис. 5. Обложка книги Лины Нейман «Коммуна Дер Эмес» (издание на идише, 1931). Художник неизвестен

Рис. 6. Председатель ОЗЕТа с делегацией пионеров // Пионерская правда. 1928. № 31 (18 апреля)

№ 20 (320) 26 мая 1929 г. Изд. „ОГОНЕК“

Цена в Москве и провинции 10 коп.

ОГОНЕК**КОНЕЦ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ!**

„Пioneрская Правда“ организовала поездку в еврейскую колонию 90 пионеров—делегатов пионеротрядов и школ всего Союза — для ознакомления с жизнью и работой евреев-переселенцев.

На снимке—самый младший пионер отряда ст. Долгичево приветствует проезжающих юных делегатов.

Фот. А. Шайхота.

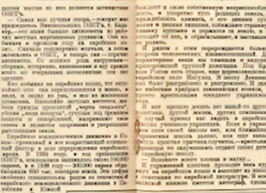
Рис. 7. «Конец национальной розни!». Обложка журнала «Огонек»
№ 20 (26 мая 1929). Фотография А. Шайхота

АНТИСЕМИТОВ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ!

Cyrus A. Holmes

Вопрос жизни и смерти человека. Трансформация сознания как процесс применения знаний в практической деятельности.

Актриса. В республике полтора десятка киностудий, актеров, и Калининском комбинате киноаппаратов 25.000 человек, в Архангельске на 10 лет живет около 3.000 артистов.

[illegible]

Рис. 8. «Антисемитов больше не будет!» Статья Виктора Финка, фотографии
А. Шайхета // Огонек. 1929. № 20 (26 мая)

Рис. 9. Агитационная книга «Озет работа среди детей» (1930). Иллюстрация на обложке художника И. Б. Рыбака, 1925